
Энджи Уайт
Крылья, которые выросли вопреки
18+

Энджи Уайт

Крылья, которые выросли вопреки

https://litres.ru/74313793
SelfPub; 2026

Аннотация

Ей говорили, что она никто. В школе — чучело. В браке — плохая мать. В суде — нестабильная женщина, не способная воспитать собственных детей. Но она вырвалась. Уехала в чужой город без денег, без работы, без надежды — и начала всё заново.

Это история о девочке, которую травили, о женщине, которую ломали, и о матери, которая нашла в себе силы не просто выжить, а построить новую жизнь.

Для тех, кто чувствует себя сломанным. Для тех, кто боится начать сначала. Для тех, кто забыл, что достоин любви. Этот рассказ — напоминание: вы сильнее, чем думаете.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Энджи Уайт
Крылья, которые выросли вопреки

Глава 1

Алисе десять, и она верит, что люди добрые.

Она помнит это чувство даже спустя много лет — то утро пахло мокрым асфальтом и тополиными почками. Май. Она шла в школу в новом платье, которое мама перешивала из своего старого. Бежевое, с вышитым на груди крошечным голубым цветком. Алисе казалось, что она похожа на принцессу из книжки.

У ворот её ждали.

Их было трое — Лера, Кристина и Марина. Лера стояла впереди, скрестив руки. Она всегда стояла впереди. Красивая, с блестящей чёрной чёлкой, дочка владельца автомойки. Её боялись даже мальчики.

— О, смотрите, — Лера растянула губы в улыбке. — Чучело себе обновку сшило. Из бабушкиной занавески, что ли?

Кристина засмеялась первой. Марина подхватила, хотя в глазах мелькнуло сомнение. Но она подхватила — потому

что иначе смеяться будут над ней.

Алиса замедлила шаг. Улыбка, ещё секунду назад живая, застыла и треснула, как яичная скорлупа. Она опустила голову и ускорилась, пытаясь проскользнуть мимо.

— Эй, ты чё, глухая? — Лера выбросила ногу в сторону, перегородив дорогу. — Или тупая? У нас в классе нормальных нет, одни дебилы. А эта вообще из помойки.

Алиса не заплакала. Пока. Она научится не плакать при них позже — это станет её суперсилой и её проклятием. Она просто протиснулась и почти побежала к дверям, чувствуя затылком их смех, как будто в спину летели маленькие камешки.

Всё началось не в тот день. Всё началось раньше — когда папа ушёл, а мама стала работать на двух работах.

Алиса не знала слова «маркер жертвы». Она просто чувствовала: что-то с ней не так. У всех детей были телефоны. У неё не было. Всех забирали на машинах. Она шла пешком. Когда на «День матери» нужно было принести семейное фото, Алиса принесла одно — где только она и мама. Лера тогда громко спросила: «А папа твой где? Сбежал, потому что ты страшная?»

Учительница сделала замечание. Лера изобразила раскаяние. После уроков она догнала Алису в раздевалке и прошептала ей в самое ухо, почти ласково: «Ты правда страшная. И папа твой сбежал из-за тебя. Все это знают».

Вот тогда Алиса заплакала впервые. В пустой раздевалке,

пахнущей кожей от чужих портфелей и влажными колготками. Она плакала тихо, чтобы никто не услышал, закусив рукав платья — того самого, с голубым цветком.

В этот момент внутри неё поселился Голос. Поначалу он был тихим: «Может, они правы? Может, и правда из-за тебя?»

Буллинг — это не всегда побои. Иногда это ластик, брошенный в затылок на каждом уроке. Иногда это пустой стул рядом, когда ты садишься в столовой. Иногда — групповой чат класса, куда не добавили только тебя, и гробовая тишина, когда ты входишь в класс после того, как все над чем-то смеялись.

К декабрю Алиса стала невидимкой. Или наоборот — слишком видимой, но в перекошенном, кривом зеркале.

Она научилась ходить вдоль стен. Научилась есть в туалете, чтобы не сидеть одной за столом на виду у всей столовой. В дневнике появились первые записи: «Меня никто не любит. Я ошибка».

Самое жестокое случилось в конце зимы.

Физкультура. Игра в «вышибалы». Алиса стояла у стенки и молилась, чтобы в неё попали поскорее — вылететь и сесть на скамейку было спасением. Но Лера играла иначе. Она целилась не в ноги или корпус. Она била мячом в лицо. Раз. Другой. Третий.

— Упс, — сказала она после третьего раза, когда из носа Алисы потекла тонкая струйка крови. — Случайно.

Учитель физкультуры, молодой практикант, просто велел Алисе идти к медсестре. Он не видел систему. Никто не видел. Система — это когда на перемене Лера может обнять тебя за плечи при дежурном учителе и сказать: «Алиска, дай списать математику, ты ж у нас умная», — а когда учитель отворачивается, прошипеть на ухо: «После уроков не уходи, разговор есть».

После уроков портфель Алисы нашёлся в школьном пруду. Там было всё: учебники, тетради, дневник с записями про одиночество. И тот самый рисунок, который она рисовала на конкурс — замок на холме. Бумага размокла, краски поплыли.

Алиса стояла у кромки грязной воды и смотрела, как её маленький мир превращается в кашу. Холодный мартовский ветер сушил мокрые дорожки на щеках. Она не пошла домой сразу. Она села на бордюр и просидела до темноты, пока мама не прибежала сама — в пальто нараспашку, насмерть перепуганная.

— Что случилось?! Алиса!

— Ничего, — сказала она. — Я просто упала.

Врать она научилась быстро. Стыд за собственную «неправильность» оказался сильнее потребности в защите.

Ближе к весне появился Ваня. Ваня был новеньким — тихий мальчик в очках, который не знал местных правил. Он сел с Алисой за одну парту на биологии и сказал: «Прикольный у тебя пенал, с котами».

Две недели они дружили. Тайно. На переменах обсуждали компьютерные игры, в которые Алиса не играла, но ей нравилось слушать. Она стала улыбаться по утрам.

Лера заметила. Лера всегда замечала.

Однажды утром Ваня не сел с ней. Он сел на последнюю парту и не поднимал глаз. Алиса написала ему записку: «Ты чего?» Записка вернулась с ответом, написанным корявыми печатными буквами: «Извини. Мне сказали, что ты странная. И что у тебя вши. Лучше не общайся со мной».

Вот тогда в сердце Алисы что-то окончательно сломалось. Не хрустнуло, не треснуло, а именно сломалось — как ломается ключ в замке: тихо и бесповоротно. Если даже тот, кто тебя выбрал, от тебя отказался, значит, дело в тебе.

С этого дня она перестала пытаться. Перестала отвечать у доски громко. Перестала поднимать руку, даже когда знала ответ. Перестала верить, что после школы станет легче.

Финальным аккордом стал последний день учебного года. Классный час. Все нарядные, завтра каникулы. Классная руководительница, уставшая женщина предпенсионного возраста, раздаёт грамоты за успехи. Алиса получает грамоту за победу в школьной олимпиаде по литературе — единственную на весь класс.

Она выходит к доске. Тишина. Аплодисментов нет. Только тихое, едва слышное «у-у-у, ботанша» с ряда, где сидит Лера.

Алиса берёт грамоту, возвращается за парту. Смотрит на

листок с золотым тиснением и думает: «Это тоже ничего не значит. Я всё равно никто».

Она аккуратно складывает грамоту пополам, потом ещё раз. И ещё. Пока та не превращается в маленький плотный квадратик. Такой же сжатый и спрятанный, как её собственная душа к концу четвёртого класса.

Дома она выбросит этот квадратик в мусорное ведро под раковиной, чтобы мама не увидела и не начала радоваться. Мамина радость была невыносима — она доказывала, что мама не понимает про неё самого главного.

Что с Алисой что-то не так. И это уже навсегда.

Глава 2

К двадцати годам Алиса научилась жить с тишиной внутри.

Школа закончилась. Университет она выбрала в соседнем городе — не потому что хотела, а потому что там никто не знал её в лицо. Никто не оборачивался в коридорах. Никто не помнил мокрый портфель и грамоту, смятую в квадратик.

Она похудела к выпускному классу — не специально, просто перестала есть от нервов, и это сочли за «похорошела». Научилась одеваться так, чтобы сливаться с фоном: джинсы, серый свитер, никаких цветов. Тот голубой цветок с детского платья она не вспоминала. Вернее, запрещала себе вспоминать.

На третьем курсе филфака её считали «тихоней, но с мозгами». Пара подруг — таких же незаметных — были. На вечеринки она не ходила. Смотрела на однокурсниц, которые легко смеялись с парнями, и не понимала, как это работает. Она вообще не верила, что кому-то может быть интересна. Голос, поселившийся внутри в детстве, всё ещё звучал — приглушённо, но настойчиво: «Ты некрасивая. С тобой скучно. От тебя уходят».

С парнями у неё был один опыт. Второкурсник с истфака позвал в кино. Она дрожала весь сеанс, не понимая, куда

деть руки. В темноте зала он положил ладонь ей на колено, и Алиса замерла, как мышь перед змеёй. Не от отвращения — от ужаса, что сейчас всё испортит. Что он поймёт, с кем связался, и исчезнет.

Он и исчез. Без объяснений. Просто перестал отвечать на сообщения. Голос внутри удовлетворённо кивнул: «Ну вот. Я же говорил».Она решила: любовь — это не для неё. С любовью слишком больно и страшно. Лучше книги. В книгах хотя бы понятно, кто злодей, а кто герой.Он появился в апреле, когда с деревьев сыпался тополиный пух и весь город казался декорацией к плохому романтическому фильму.

Его звали Антон. Ему было двадцать семь. Он владел небольшой компанией по ремонту квартир и приехал в университет на встречу выпускников — когда-то он сам заканчивал тот же филфак, но бросил на четвёртом курсе ради бизнеса. Высокий, широкоплечий, с уверенной улыбкой и дорогим телефоном, который он клал на стол экраном вниз, когда разговаривал. От него пахло чем-то древесным и дорогим.

Алиса помогала на кафедре разбирать архив — её взяли на полставки, деньги были нужны, мама болела. Антон зашёл в кабинет, потому что искал свою бывшую преподавательницу, и застал там Алису — в пыльном луче весеннего солнца, с кипой старых ведомостей в руках.

— Ого, — сказал он вместо «здравствуйте». — А вы кто? Я думал, тут только старушки работают.

Она покраснела так, что запылали кончики ушей. Пробормотала что-то про архив, про «я не работаю, я просто помогаю». Он смотрел на неё — не сквозь, не мимо, а прямо. И улыбался.

— Как вас зовут?

— Алиса.

— Как в сказке?

— Как в кошмаре, — вырвалось у неё, и она тут же испугалась, что сморозила глупость.

Но он засмеялся. Искренне, громко. И сказал то, что пробило её защиту насквозь — первое, что пробило за десять лет:

— А мне нравится. Вы странная, но в хорошем смысле.

Странная. Но в хорошем смысле.

Это словосочетание легло на старую рану как бальзам. Ей всю жизнь говорили, что она странная — и это было клеймом. Он первый, кто добавил «в хорошем смысле». Как будто взял и перевернул монету другой стороной.

Они начали встречаться. Вернее — Антон начал за ней ухаживать. Красиво, настойчиво, по-взрослому. Цветы присылал на кафедру, а не вручал лично — чтобы все видели. Забирал после пар на машине. Заказывал столики в ресторанах, где Алиса терялась, не зная, какую вилку брать, а он мягко подсказывал и улыбался: «Ничего, привыкнешь».

Его напор пугал и пьянил одновременно. Алиса не привыкла быть выбранной. Не привыкла, чтобы за неё боролись.

В её картине мира мужчины уходили — молча, без объяснений, как отец, как тот парень из кино. А этот не уходил. Этот врывался в её жизнь, как бульдозер — и она не сопротивлялась, потому что, если честно, не хотела.

Через месяц после знакомства он сказал:

— Знаешь, я много кого видел. Но ты — особенная. Ты даже не представляешь насколько.

Она заплакала тогда. Ночью, в подушку, уже дома. Не от счастья — от облегчения. Как будто ей наконец дали справку: «Нормальна. Пригодна для любви. Ошибки детства аннулированы».

Она не понимала, что Антон говорил о её «особенности» с тем же выражением лица, с каким говорят о редкой породе кошек. Ему нравилась её хрупкость, её неуверенность, её готовность смотреть на него снизу вверх. Он не искал равного партнёра. Он искал ту, кто будет благодарна.

Алиса была благодарна. Очень.

Первые звоночки она списала на заботу.

— Этот свитер тебе не идёт, — сказал он однажды мягко. — Ты в нём как серая мышь. Давай я куплю тебе что-нибудь нормальное.

Купил. Красивое платье, тёмно-синее. Она чувствовала себя в нём неловко — слишком приталенное, слишком яркое для неё. Но Антону нравилось, и она стала носить то, что выбирал он.

— Зачем тебе эта подработка? — спросил он через два

месяца. — Копейки же платят. Лучше отдыхай, набирайся сил.

Она уволилась из архива. Он платил за всё — за ужины, за такси, за телефон, который ей «давно пора было сменить». Алиса чувствовала смутную неловкость, но заглушала её: он же заботится. Он просто любит.

Однажды он пришёл к ней в общежитие, увидел стопку книг на тумбочке — и поморщился.

— Опять свои романы читаешь? Лучше бы английским занялась, в жизни пригодится.

Ей хотелось сказать, что это не романы, а Набоков и Бродский. Что она пишет курсовую по поэтике иносказания. Но Голос внутри — тот самый, старый, — дёрнул за рукав: «Не спорь. Ты его потеряешь. Он же для тебя старается».

Она промолчала. Отложила Бродского в стол. Достала учебник английского — Антон одобрительно кивнул.

Она не замечала, как её жизнь по кусочкам переходит в чужие руки. Сначала одежда. Потом работа. Потом книги. Потом друзья — те немногочисленные подруги с потока, которым Антон не понравился.

— Он тебя контролирует, — сказала одна из них, Маша, после первой и последней встречи втроём.

— Он просто заботится, — ответила Алиса.

Больше они с Машей не общались. Алиса сама отдалилась — Антон объяснил, что Маша «завидует». И Алиса поверила, потому что поверить в зависть было легче, чем в то, что

единственный мужчина, который её полюбил, на самом деле её ломает.

Предложение руки и сердца случилось через полгода.

Он привёз её к морю — не к нашему, а в Черногорию, на настоящий курорт. Закат, яхты у причала, бокалы с чем-то игристым. Алиса стояла босиком на тёплых камнях и думала: «Неужели это всё со мной? Неужели я это заслужила?»

Антон опустился на одно колено. Белое золото, маленький бриллиант.

— Ты выйдешь за меня?

— Да, — прошептала она. И добавила — мысленно, самой себе: — Теперь всё будет хорошо. Теперь меня точно никто не бросит.

Кольцо холодило палец. Она смотрела на море и не замечала, что Антон смотрит не на неё, а на её отражение в экране телефона — проверяет, хорошо ли получилось фото.

Свадьбу играли скромно. Мама Алисы плакала от счастья, прижимала к себе зятя: «Спасибо, что позаботишься о ней. Она столько пережила». Антон кивал с достоинством спасителя.

С его стороны пришли друзья — шумные, успешные, с жёнами модельной внешности. Алиса чувствовала себя среди них экспонатом. Одна из женщин, холёная блондинка с идеальным маникюром, спросила:

— А ты чем занимаешься?

— Я… учусь пока.

— А, понятно, — блондинка улыбнулась так, как улыбаются ребёнку, который сказал глупость. — Антон говорил, ты у него будущая домохозяйка. Это мило.

«Будущая домохозяйка». Алиса хотела сказать, что вообще-то собирается в магистратуру, а потом, возможно, в аспирантуру. Что у неё почти готова статья в научный журнал. Но Антон уже обнимал её за талию и уводил к другому столу:

— Пойдём, нас ждут.

Она пошла.

В первую брачную ночь она лежала без сна и смотрела в потолок съёмного номера. Антон дышал рядом ровно и глубоко. Всё было хорошо. Всё должно было быть хорошо.

Тогда почему в груди, там, где когда-то жил голубой цветок, было так тихо и пусто?

Она закрыла глаза. Сжала в кулаке край одеяла. И повторила про себя, как молитву:

— Он меня любит. Я в безопасности. Всё правильно.

Голос внутри промолчал. Но не потому что исчез, а потому что затаился. Ждал своего часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.